

Тихомиров Сергей Александрович

ОБРАЗЫ МЕГАПОЛИСА В СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ (НА ПРИМЕРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА): КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье осмысляются концептуальные основания, теоретико-методологические и практические перспективы исследования образов мегаполиса как индивидуально и коллективно переживаемой в социально-культурном контексте территории. Выявляются факторы формирования образов мегаполиса, подчеркивается их разномасштабность, акцентируется внимание на официальных стратегиях и неофициальных тактиках обживания урбанистического пространства современной молодежи.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2012/12-1/39.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2012. № 12 (67): в 2-х ч. Ч. I. С. 126-132. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2012/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Считаем, что всестороннее изучение графико-пространственного оформления народных воспоминаний, как и других речевых жанров ЕПР, позволит обнаружить психоэмоциональные индивидуально-авторские качества, определить психосоциальные признаки и расширить классификацию типов авторов.

Список литературы

1. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М., 2003. 128 с.
2. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 139 с.
3. Зуев-Инсаров Д. М. Почерк и личность. М.: СТ, 1993. 112 с.
4. Иванова В. Ф. Современный русский язык. Графика и орфография. М.: Просвещение, 1966. 255 с.
5. Норман Б. Ю. Основы языкознания. Мн.: Бел. Фонд Сороса, 1996. 207 с.
6. Русский язык: энциклопедия. М., 1979. 432 с.
7. Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. 512 с.
8. Шубина Н. Л. Паралингвистические средства в письменном тексте и их функции // Художественный текст: аспекты сверхфразовой организации / под ред. С. Г. Ильенко. СПб., 1997. С. 36-48.

УДК 008:316.34/35

Культурология

В статье осмысляются концептуальные основания, теоретико-методологические и практические перспективы исследования образов мегаполиса как индивидуально и коллективно переживаемой в социально-культурном контексте территории. Выявляются факторы формирования образов мегаполиса, подчеркивается их разномасштабность, акцентируется внимание на официальных стратегиях и неофициальных тактиках обживания урбанистического пространства современной молодежью.

Ключевые слова и фразы: мегаполис; образ города; культурный ландшафт; ментальная карта; молодежные сообщества; развитие урбанистических территорий.

Сергей Александрович Тихомиров, к. культурологии

Управление аспирантуры

Высшая школа народных искусств (институт)

s-a-tihomirov@yandex.ru

**ОБРАЗЫ МЕГАПОЛИСА В СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ
(НА ПРИМЕРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА): КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ[©]**

За последние годы в отечественной науке многократно увеличилось количество исследований, посвященных городу как феномену культуры в целом и специфике городского пространства в частности. Среди причин повышенного внимания специалистов к урбанистической проблематике следует назвать, во-первых, распространение в научном сообществе семиотических интерпретаций городской среды - представлений о городе как о «локальном тексте», который сопрягается с «большой» (российской) или с «локальной» (местной) культурой. Причем интерес к локальному, как отмечает М. Л. Лурье, одновременно оказался интересом к городскому [14], поскольку именно город культивирует уникальность и различия.

Во-вторых, происходит «открытие» и активное «освоение» урбанистической среды и порождаемых ею социальных и культурных форм различными научными дисциплинами и их отдельными направлениями (визуальной антропологией [6], фольклористикой [23], лексикологией [12; 18], гуманитарной географией [9; 27] и т.д.), что обусловлено как рефлексией ученых по поводу возникающих и меняющихся реалий современного мира, так и их знакомством с опытом зарубежных коллег, с новыми теориями, подходами и технологиями.

Впрочем, если рассматривать город в качестве целостного «локального текста», то практика свидетельствует, что подобные изыскания возможны исключительно как междисциплинарные исследования. Теоретико-методологический аппарат отдельных научных дисциплин оказывается недостаточным, чтобы с его помощью можно было описать одновременно и систему локальных представлений, и весь комплекс форм их репрезентаций, и прагматические аспекты их функционирования» [25, с. 19]. Так, антропологическое понимание «локального текста» города как системы связанных с ним «ментальных, речевых и визуальных стереотипов, устойчивых сюжетов и поведенческих практик», актуальных для сообщества, идентифицирующего себя с данным городом (М. Д. Алексеевский, М. В. Ахметова, М. Л. Лурье), предполагает исследование идентичностей, фольклористические штудии и дискурс-анализ [Там же].

Интересы представителей различных дисциплин, обращающих взор в сторону урбанистического пространства, неизбежно пересекаются: поразительную комплементарность обнаруживают термины и понятия, методы и подходы, при помощи которых специалисты описывают и анализируют исследуемую реальность, формируя поле подлинно междисциплинарного синтеза.

Наконец, в-третьих, нельзя не упомянуть и ту популярность, которую приобретают в науке «лирические» описания повседневности, где главным критерием становится правдоподобие: «опиши то, что хочется описывать, объясни так, как хочешь понимать и подожди тех или того, кому это покажется правдоподобным» [Цит. по: 11, с. 13].

Широкое распространение среди исследователей приобрел метод включенного наблюдения. И дело здесь не в кажущейся простоте данного метода. Любой представитель научного сообщества, так или иначе, оказывается включенным в наблюдение за повседневной жизнью города вне зависимости от собственного желания: невольно он «подсматривает» за поведением людей, «подслушивает» разговоры на улице и в транспорте, оценивает степень их изобретательности в создании собственного «языка костюма»; в поле его зрения попадают уличные щиты с рекламой и разнообразные вывески магазинов, он читает местную прессу, смотрит городские новости по ТВ и т.д. Различные элементы социокультурной ткани города, с которыми специалист сталкивается практически ежедневно, которые реальны и осязаемы, становятся объектами неспециализированной, а затем и специализированной рефлексии, особенно при условии, что объект вызывает симпатию или, наоборот, антипатию ученого. Как отмечает Е. Г. Трубина, «изучать социальные и культурные процессы “по месту жительства” - удобно, дешево, сулит хоть какую-то социальную пользу и нередко имеет личный смысл» [24, с. 25]. Именно так появляются исследования, посвященные надписям в маршрутных такси, семиотике пространства торгово-развлекательных комплексов, новым традициям, бытующим в урбанистическом пространстве, и т.д.

Можно говорить о радикальной трансформации фигуры фланера, классическое описание которой мы обнаруживаем у В. Беньямина [3]. Фланер перестает быть бесцельно шатающимся «праздным гулякой», визуально потребляющим образы города и тех, с кем он сталкивается на улице. От «глазения» он переходит к «наблюдению», превращается в исследователя, который в научных целях *следит* за горожанами, за собственными им практиками взаимодействия друг с другом, особенностями восприятия окружающих их урбанистических пространств.

В зарубежной научной традиции сформировался такой феномен как «прогулки в исследовательских целях», открывающие доступ к «рефлексивным сторонам опыта обитания в городских местах», к выявлению «особенностей восприятия окружения, пространственных практик, биографий и социальных отношений» [24, с. 215]. Прогуливающийся по городу исследователь не полагается только на собственную память: он «вооружен» полевым дневником, средствами фото- и аудиовизуальной фиксации происходящего. И, как правило, он не является одиночкой, будучи частью научно-исследовательского коллектива, вовлеченного в проект по исследованию городской среды.

«Прогулки в исследовательских целях» оказываются весьма перспективным инструментом изучения специфических видов активности, возможных только в городе (шопинг), или осмысления путей и направлений мобильности жителей в пространстве мегаполиса. К примеру, наблюдение за местами локализации «тегов» - граффити-автографов - позволяет «картографировать» основные ареалы пространственного опыта райтеров. Так, автору удалось установить, что проживающие в Кировском районе Санкт-Петербурга райтеры, подписывающиеся как «теow», «once», «7 seconds», посещают ТРК «Континент» на проспекте Стачек («теow»), пользуются услугами Центральной городской библиотеки им. В. Маяковского («7 seconds»), сажаются в метро на станции «Автово», бывают в северных районах города (пр. Просвещения) («bonus»).

В области изучения специфики «локального текста» малых городов России накоплен уже достаточно большой опыт, о чем свидетельствуют многочисленные научные экспедиции в Бологое, Гдов, Лодейное поле, Медвежьегорск, Приозёрск, Сланцы, Старую Руссу, Петрозаводск, Тихвин и т.д. [25, с. 20-21]. Мегаполисы, в свою очередь, являются привлекательными, но заведомо «неудобными» объектами для исследования. Чем крупнее город, тем в большей степени его население сегментировано по профессиональному, политическому, этническому, религиозному, субкультурному и иным признакам, а, следовательно, и культура, продуцируемая и воспроизводимая данными сообществами, предельно дифференцирована и калейдоскопична.

В описании и анализе текучего и подвижного мира мегаполиса господствуют «теории среднего уровня»: специалистов интересуют его различные сегменты, анализ которых дает живую, пёструю, но весьма эклектичную, если не сказать хаотичную, картину. Отбросив позицию методологического пессимизма, зададимся вопросом: «Как возможно осмыслить “текст” мегаполиса в качестве социокультурной целостности, не изменяя при этом классическому назначению исследователя, который призван открывать невидимое, превращая его в видимое, делать непонятное понятным?».

Представляется, что для ответа на поставленный вопрос мы должны отталкиваться от исследований той культурной ткани, которую «плетут» отдельные городские сообщества. Необходим переход от разрозненного перечисления внутригородских традиций к систематической фиксации и анализу образов мегаполиса, которые продуцируют и транслируют урбанистические сообщества, в своей совокупности дающие более или менее целостное представление о «локальном тексте» мегагорода.

Следует заметить, что антропологическое понимание «локального текста» города не только не противоречит, но и сопряжено с понятием «географический образ», сложившимся в русле гуманитарной географии, поскольку бытующие у тех или иных социально-демографических групп «локальные представления» - это и есть образы, связанные с конкретной местностью, ее пространственно-временной структурой, населением и т.д.

На сегодняшний день человечество прошло важный рубеж: количество людей, живущих в городах, превышает количество живущих в сельской местности [24, с. 165], причем все большее число молодых людей устремляется в крупные города, превращающиеся в места постоянного пребывания молодежи. Поэтому

особое внимание должно быть уделено образам города, формирующимся и бытующим в молодежной среде (с учетом актуальной сегментации данного социально-демографического слоя по различным признакам - например, «субкультурная» и «нормальная» молодежь, коренные жители города и туристы и т.д.).

Как подчеркивает Д. Н. Замятин, осмысленность конкретного географического пространства, степень его «окультуренности» проявляются «в количестве и качестве... образов, которые как бы представляют и выражают это пространство в культуре» [8, с. 41]. Очевидно, что город, а тем более мегаполис, является максимально «окультуренным» пространством, крайней точкой на шкале «природа - культура (цивилизация)», оплотом культуры, исторически отделенным от природы посредством весьма успешного игнорирования естественных циклов: мегаполис не погружается в сон даже в темное время суток, независим от календарного цикла и относительно безразличен к капризам погоды. В мегаполисе, таким образом, генерируется максимально большое количество репрезентирующих его образов, а сознание горожан работает как своеобразная «мельница», перемалывающая реальные признаки города в сверхсложный образный конструктор [Там же, с. 307].

Образ в данном случае понимается как устойчивое представление о том или ином объекте/явлении, связанном с «переживаемой» в культурном контексте территорией» [Там же, с. 180] - мегаполисом. Образы города имеют бесчисленное множество воплощений: например, могут иметь вид нарратива или фотографического изображения, бытовать устно, в среде электронных телекоммуникационных сетей, на страницах журналов или краеведческих изданий. Наконец, образы города могут быть как неофициальными, спонтанно рождающимися в среде урбанистических сообществ (к примеру, в ходе исследовательской работы в 2009 году автору удалось зафиксировать достаточно «экзотический» образ Петербурга как «города шаверм», связанного с широкой распространенностью в мегаполисе точек продажи этого популярного и дешевого фаст-фуда), так и официальными, поскольку в любом городе существует в большей или меньшей степени развитая сеть институтов (музеи, учебные учреждения, творческие союзы и объединения, издательства), в задачи которых входит конструирование, тиражирование и распространение образов города.

Среди факторов, формирующих образы города, можно выделить:

- **физико-географические** (территориальное расположение, особенности рельефа, климата и пр.). В качестве примеров образов, опосредованных данным фактором и связанных здесь и далее с Санкт-Петербургом, приведем следующие: «*Питер... серый, вязкий... Засасывает в трясины уныния очень часто*»; «*немного солнца в холодной воде*»; «*самый северный мегаполис в мире*»; «*болотоград*», «*бывает снег в июне и дождь в январе*»; «*безумный ветер с залива, наводнения, штормовые предупреждения*»; «*запах тающего льда и ветра весной*»; «*город белых ночей, из-за которых плохо спится*»; «*есть море, настоящее море, даже если никогда в нем и не искупаться*»;

- **социальные** (население города, его структура в демографическом, профессиональном и иных аспектах, типичные качества коренных жителей, уровень жизни, конфигурация социального пространства и социальных потоков и т.д.). Примеры образов: «*город-порт*»; «*город чиновников, советников и банкиров*»; «*оплот демократии и монархии*» (*sic!* - С. Т.); «*толерантный город*»; «*у жителей этого города всегда будет что-то "царско-дворянское" сквозить*»; «*живут очень добрые, интеллигентные люди*»; «*у нас даже пьяные и гопники, чаще всего, когда просят остановить маршрутку, кричат не "тормози колымагу!", а "остановите, пожалуйста"*» или просто «*остановите там-то*»; «*есть совершенно жуткие окраины, при этом находящиеся в черте города* (к примеру, Усть-Славянка)»; «*"спальный" Юго-Запад*»; «*глубокое метро с толпами народа*», «*пробки на Московском шоссе по утрам и вечерам*»; «*много-много туристов*»;

- **культурные** (особенности пространственной организации культурного ландшафта города и его темпорально-ритмической организации, объекты художественной культуры, формирующие пространственную среду города, специфика образа жизни населения, уровень досуговой культуры горожан, события и пр.). Примеры образов: «*Питер - идеальный город для людей, не убитых массовой культурой*»; «*главная рок-столица страны*»; «*архитектура грандиозная, насыщенная яркими красками*»; «*такого сосредоточения культурных объектов больше нигде не встретишь*»; «*бесконечные очереди в Екатерининский дворец, Эрмитаж, Петродворец и т.д.*»; «*Ночью этот город преподносит сюрпризы. К примеру, абсолютно случайно на площади перед Троицким собором можно наткнуться на бездомного, что Байрона читает вслух по памяти. Или у Александрийского столпа встретить саксофониста, что играет всю ночь блюз и джаз. Пройдясь по Дворцовой набережной, встретить реперов, что читают речитатив своим девчонкам про любовь. На Невском разнять дерущихся полупьяных кадетов Суворовского училища, непонятно что делающих в 3.40 ночи в центре города. И всё это за одну ночь. А потом, стоя на Троицком мосту, наблюдать рассвет*».

Анализ особенностей формирования образов города должен производиться с учетом синхронического и диахронического аспектов, поскольку в образах видимая реальность преломляется сквозь призму индивидуальной и коллективной исторической памяти. «Святые и проклятые, мужские и женские, прозаические и фантазмагорические места - их объединяет укорененность в истории - и общей, и индивидуальной» [24, с. 424], а в зазорах между напластованиями исторического и современного (например, старой и новой топонимической системой) рождаются городские легенды, городская мифология.

Синхронический аспект исключительно важен, поскольку образы города - это образы ежедневно обживаемого, «приручаемого», переживаемого и облюбованного урбанистического пространства-времени и его составляющих. Образ непременно должен быть ярким, явным и легко узнаваемым на уровне группы, коллектива, что обеспечивает его «выживаемость» и трансляцию, не ограниченную пределами жизни конкретного индивида и его ближайшим окружением. Образы города выполняют функцию интеграции городских

сообществ, способствуя формированию позитивной групповой идентичности [7, с. 10]. Например, с начала 2000-х годов в Рунете бытуют тексты юмористического характера, «идентифицирующие признаки жителей отдельного города» и имеющие заголовки наподобие «Вы из N, если...» [2]. Образы города - это непременно и типичные образы жителей, его населяющих; верно и обратное - в представлениях о типичном петербуржце проступает облик самого мегаполиса.

Образы города не являются статичными образованиями: даже в пределах одного десятилетия можно обнаружить появление новых и отмирание утрачивающих актуальность. Так, анализ материалов сайта «Любовь и ненависть» показывает, что представление о Санкт-Петербурге как «криминальной столице» России, воспроизводившееся в 1999-2002 годах, на сегодняшний день в текстах практически не встречается [21].

Обращение к образам Петербурга, упомянутым выше, обнаруживает их разномасштабность: это может быть уровень отдельного помещения, здания, улицы, района, урбанистического пространства в целом. Разноразмерные образы города организованы в систему благодаря *ментальным картам*, создание которых - это мыслительный процесс локализации субъекта (индивида или группы) в пространстве и времени [22, с. 75].

Ментальная карта является результатом целостной интериоризации, «перевода» объективных структур урбанистического пространства-времени на уровень индивидуального или группового сознания, своеобразным итогом целостного субъективного переживания и проживания социокультурной ткани города, наполненной индивидуальными и коллективными смыслами, в конкретный момент времени. Ментальная карта как внутренняя структура сознания отражает урбанистический ландшафт во всем его многообразии, фактуру городской жизни, представляя собой способ понимания и упорядочивания индивидом/группой окружающей реальности. Иными словами, ментальная карта позволяет человеку выживать, ориентироваться и функционировать в окружающем его урбанистическом мире.

Ментальная карта организует, структурирует видимый «беспорядок» городского пространства-времени посредством проведения символических границ, установления взаимосвязи между объектами и явлениями, маркировки отдельных элементов в качестве «близких - далеких», «знакомых - неизвестных», «святых - нечистых», «центральных - периферийных», «дневных - ночных», «праздничных - повседневных» и т.д. Можно сказать, что ментальная карта является ценностно окрашенной системой представлений, отражающей связи центрального «Я» личности (или же «МЫ» группы) с внешним миром, его пространственно-временными структурами - от непосредственной среды обитания (город) до виртуально осмысливаемых пространств в масштабе страны и мира.

Таким образом, если говорить об образе, в котором происходит «схватывание» города как некоторой целостности (Петербург как «культурная столица», «северная Венеция»), то ему будет соответствовать ментальная карта общероссийского или мирового масштаба. О правомерности столь широкого обобщения свидетельствует весьма любопытная работа Я. Э. Ахапкиной и А. Ю. Веселовой, посвященная исследованию у школьников 9-11 классов сознательно формируемых (в первую очередь в школе) представлений о географии России и аналогичных представлений, формирующихся спонтанно (например, посредством СМИ), а также проблеме их соотношения. Как выяснилось, пространственные оси координат (север - юг и запад - восток) «в сознании современного старшеклассника являются не географическими, а социально-ценностными», ментальная карта территории совпадает с географической лишь частично, что объясняет сравнительно частое размещение Москвы и Санкт-Петербурга в центре системы координат, олицетворение городом Сочи крайней южной точки страны и т.д. [1, с. 83].

В образах города, включенных в ментальную карту общероссийского или мирового масштаба, подчеркиваются типичные для него черты, одновременно утверждающие первостепенность, уникальность и неповторимость города в сравнении (явном или косвенном) с другими («*Венеции не существует, это прообраз райского Питера*»). Подобные представления-сравнения сообразны с происходящими глобализационными процессами, когда город понимается не в своей замкнутости, но, напротив, разомкнутости, как один из ключевых узлов в структуре региона, страны, мира.

Следующие уровни образов города, организованные в соответствующие ментальные карты (можно говорить о том, что ментальные карты различных масштабов представляют собой фрактальную конструкцию, где «фрагмент фрактала, идентичный целостной форме, воспроизводится на каждом последующем уровне меньшего масштаба, образуя своего рода “вложенную” структуру» [20, с. 93]), осуществляют размежевание между районами и улицами города («*насчет Обводного - он многим не нравится, почти все мои друзья, кто за рулем, стараются его объезжать даже ночью, когда пробок нет, почему сами не понимают*»; «*выйти на улицу, пересечь Невский и заблудиться в бесконечных тихих переулочках... Или на Петроградской... Главное - знать места, где всегда тихо*»; «*в старых районах сразу можно ощутить ветер веков, он дышит историей*»), выявляя отдельные знаковые места и события («*свадебные лимузины на стрелке Васильевско-го*», «*паб “Циник” с непередаваемым запахом гренков*») - своеобразные «маяки», «контрольные точки», по которым мы воспринимаем городское пространство-время, и которые, как правило, конструируются специалистами в качестве архитектурно-художественных мест, пространств досуга и т.п. [26, с. 106].

Создание объектов-«маяков», конструирование событий, особенно в «спальных» районах, получают в мегаполисах широкое распространение как способ преодоления их архитектурно-градостроительной безликости, событийной бедности и формирования индивидуального облика пространства, удаленного от исторического центра [5]. И в этом направлении исследование образов и ментальных карт города имеет непосредственный выход в практику.

Небольшой пример: отреставрированный и благоустроенный двор за костелом св. Екатерины на Невском проспекте, протянувшийся до Итальянской улицы, используется горожанами исключительно как проходной двор, транзитное пространство, «не-место», выражаясь в терминологии М. Оже, а потому он вскоре лишился своих фонтана и подсветки, покрылся многочисленными граффити (регулярно закрашиваемыми), стал местом постоянных тусовок «субкультурной» молодежи. Очевидно, что в данном случае имеет место деградация облагороженного пространства в центре города. *Стратегия* использования пространства, заложенная его создателями, вытесняется неформальными *тактиками* его обживания горожанами, не предусмотренными никакими официальными документами [24, с. 428].

Ответить, почему подобное произошло, какие меры необходимо предпринять (не закрывая попросту двор на замок), позволяет обращение к исследованиям образов города и ментальных карт урбанистических сообществ. Материалы, получаемые в ходе специализированных исследований, будут иметь существенный интерес для авторов проектов городского развития, помогая определять приоритеты в формировании и ревитализации урбанистических территорий, возрождении объектов культуры, конструировании туристически привлекательных брендов мест и событий. Образы и ментальные карты локального масштаба (на уровне организации, например) дают возможность корректировать планы по благоустройству территорий, разрабатывать артефакты корпоративной культуры [19].

Детальное изучение образов города может активно способствовать реформированию экскурсионного дела [25, с. 14-15], усиливая его адресную направленность. В условиях финансовой затратности заказного экскурсионного обслуживания, ориентации экскурсионных бюро на запросы «гостей города», а не его жителей, отсутствия гарантий позитивных впечатлений от обслуживания ввиду использования устаревших методов с доминантой познавательного начала (культурно-исторический ликбез) над эмоциональным, молодежь активно практикует самостоятельное знакомство с Петербургом.

С одной стороны, молодые люди отказываются от «заезда» по городу, сопровождающегося лихорадочным осмотром достопримечательностей вкупе с краткой справкой о том, кто, когда и в каком стиле что-либо построил. Молодежь в большей степени интересуется неторопливая прогулка, индивидуальная или в малой группе, позволяющая вживаться и вчувствоваться в ритмы города, неограниченно долго любоваться архитектурой, скульптурными произведениями, городскими панорамами [4].

С другой стороны, необходимо существенное расширение круга объектов показа, включенных в экскурсионную деятельность, ориентированную на жителей мегаполиса, что позволило бы аудитории находить необычное и субъективно близкое, делать открытия в, казалось бы, ставшем уже обычным и обыденным урбанистическом пространстве.

Проекты успешной экскурсионной деятельности, конечно, существуют [13], но их недостаточно, что запускает механизм подготовки и проведения самостоятельных любительских экскурсий и осмотров в молодежной среде. В виртуальной социальной сети «ВКонтакте» функционируют десятки тематических сообществ, участники которых объединяются для поиска единомышленников, интересующихся «нестандартными» сторонами жизни и облика мегаполиса, обмена впечатлениями, опытом. Среди таких групп - «Дворы Петербурга», «Крыши Петербурга», «Непарадный Петербург», «Ночной Питер», «Мистический Петербург», «Прогулки по кладбищу», «Романтические места Санкт-Петербурга» и др. В тематических обсуждениях групп, посвященных Петербургу, по просьбе приезжающих в город коллективно составляются и обсуждаются маршруты прогулок и экскурсий по историческому центру, где к осмотру традиционно рекомендуются «сильные точки города» (Исаакиевский собор, Дворцовая площадь и др.). Молодежь при этом осваивает уникальную практику составления вариативных маршрутов, осуществляет поиск информации о ключевых объектах осмотра и, наконец, по ранее просмотренным фотографиям и описаниям самостоятельно отыскивает, определяет объект на месте (присутствует некоторый элемент игры). «Спальные районы» при внимательном поиске, как правило, также оказываются не лишены «сильных точек», хотя цель поиска таковых у молодежи иная: возможность (или отсутствие таковой) провести романтическое свидание без выезда в центр.

Наконец, изучение образов города и ментальных карт городских сообществ позволит внести ясность в вопросы, связанные с опытом неформального освоения урбанистической среды, заключающегося в трансформации городских объектов и нарушениях существующего символического порядка.

В самом деле, жителям мегаполиса предписано использовать городские пространства, осваивать их посредством занятий, предусмотренных создателями, адаптироваться к существующим ритмам (например, замедлять шаг перед входом на эскалатор, ведущий из метро на поверхность). Подчиняясь городской повседневности, индивиды постоянно дисциплинируют свои тела, принимающие положения и располагающиеся в пространстве так, как предписывает конфигурация публичных пространств с их поручнями, ступенями, скамьями и сидениями, лестницами, спусками и подъемами. Горожане постоянно обязаны согласовывать свое поведение с безличными правилами, как правило, исходящими от различных инстанций, которые вербализуются в надписях и аудиообъявлениях («Отойдите от края платформы, прибывает поезд»), оказываются представленными визуально на знаках и табло.

Они призваны демонстрировать свою компетентность относительно устройства городского пространства, правил жизни в городе, знать и адекватно пользоваться ими. Таким образом, если горожанин осведомлен о местонахождении тех или иных объектов, знает, как до них добраться (неважно, будь то аптека, торговый комплекс или музей), верно «считывает» информацию с различных знаковых объектов (указатели,

табло), осведомлен о правилах поведения в общественных местах и строит свою активность в соответствии с ними, то он может быть полноправным претендентом на статус «благонадежного жителя города».

С другой стороны, мы имеем множество примеров реализации тактик сопротивления заданному символическому порядку городской повседневности, «приручения» урбанистического пространства путем его переименования. В последние несколько лет невиданную популярность среди молодежи приобрел «индустриальный туризм», связанный с несанкционированным посещением промышленных или общественных объектов (нередко заброшенных), появился феномен «зацепинга» (проезда на транспортных средствах вне салона - «зацепом», т.е. прицепившись снаружи за различные поручни, лестницы, подножки и другие конструктивные элементы или же используя специальное снаряжение для удержания тела на корпусе» [10]), руфинга (проникновение и прогулки по крышам различных объектов), граффити как неофициальные публичные надписи стали приметой всего общегородского интерьера. Возникновение и развитие молодежных субкультур тесно связано с формированием устойчивых мест уличных тусовок: к примеру, местами собраний готов в 2004-2008 гг. были ст. метро «Черная речка», Смоленское лютеранское и Смоленское православное кладбища, куда на ночь молодежь перебиралась после концертов в клубе «Арктика», Московский вокзал, площадь Искусств, пешеходная зона на 6-й и 7-й линиях Васильевского острова [17].

Очевидно, что детальное изучение образов города, бытующих в среде молодежных сообществ, позволит не только проанализировать взаимосвязи между официальным и неофициальным пластами городской культуры, специфику территориального распределения молодежных сообществ в городе, но также способствовать разработке комплекса мер молодежной политики, в том числе по предотвращению актов вандализма и экстремистских проявлений.

Конечным продуктом исследований может быть словарь [15; 16], который, как форма обобщения научных результатов, успешно доказал свою жизнеспособность, а также сгенерированные при помощи компьютерных программ карты городского пространства.

Мир мегаполиса не статичен, но текуч и подвижен, будучи сформирован из множества времен и пространств. Изучение образов города и ментальных карт (город как «мое/наше пространство») несет в себе значительный эвристический потенциал, позволяя системно представить мегаполис как сверхсложную, населенную людьми, наполненную образами, символами, событиями, воспоминаниями вселенную.

Список литературы

1. Ахапкина Я. Э., Веселова А. Ю. Геополитическая самоидентификация школьника // Мальчики и девочки: реалии социализации: сб. ст. Екатеринбург.: Изд-во Урал. ун-та, 2004. С. 78-86.
2. Ахметова М. Пространство города и город в пространстве (интернет-тексты «Вы из N, если ...») // Антропологический форум. 2011. № 15. С. 330-358.
3. Беньямин В. Озарения / пер. Н. М. Берновской, Ю. А. Данилова, С. А. Ромашко. М.: Мартис, 2000. 376 с.
4. Бурганов И. А. Музей в XXI веке. Теория, опыт, практика. М., 2007. 323 с.
5. Веселова М. Н. Образ исторического города в русской культуре // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2008. № 1 (10). С. 96-109.
6. Визуальная антропология: городские карты памяти / под ред. П. Романова, Е. Ярославской-Смирновой. М.: ООО «Вариант»; ЦСПГИ, 2009. 311 с.
7. Дранникова Н. В., Разумова И. А. Исторический город в современном фольклоре // Славянская традиционная культура и современный мир. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2010. Вып. 13. Традиционная культура современного города: сб. научных статей. С. 9-27.
8. Замятин Д. Н. Культура и пространство: моделирование географических образов. М.: Знак, 2006. 485 с.
9. Замятин Д. Н. Локальные истории и методика моделирования гуманитарно-географического образа города // Гуманитарная география: научный и культурно-просветительский альманах. М.: Институт наследия, 2005. Вып. 2. С. 276-323.
10. Зацепинг [Электронный ресурс] // Луркоморье. URL: <http://lurkmore.to/Зацепинг> (дата обращения: 20.07.2012).
11. Лапин В. В. Петербург. Запахи и звуки. СПб.: Европейский Дом, 2007. 282 с.
12. Липатов А. Т., Журавлёв С. А. Региональный словарь русской субстандартной лексики (Йошкар-Ола. Республика Марий Эл). М.: ЭЛПИС, 2009. 288 с.
13. Луняев Е. В., Никонова А. А. Кафедра музейного дела и охраны памятников СПбГУ: опыт создания научно-практического студенческого центра «Музейный квартал» // Собрание научно-образовательного культурологического общества: материалы третьего собрания НОКО. СПб.: Изд-во РХГА, 2009. С. 253-261.
14. Лурье М. Л. Что такое локальный текст города (и при чем здесь фольклор): выступление на XIV Международной научной конференции «Славянская традиционная культура и современный мир». М., 2009.
15. Милюгина Е. В., Строганов М. В. Текст пространства. Фрагменты словаря «Русская провинция» // Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований. 2012. № 2. С. 42-60.
16. Милюгина Е. В., Строганов М. В. Текст пространства. Фрагменты словаря «Русская провинция». Часть 2 // Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований. 2012. № 3. С. 33-74.
17. Неоформальные молодежные сообщества Санкт-Петербурга: теория, практика, методы профилактики экстремизма / под ред. А. А. Козлова, В. А. Канаяна. СПб., 2008. 278 с.
18. Никитина Т. Г., Роголева Е. И. Региональный словарь сленга (Псков и Псковская область). М.: ЭЛПИС, 2006. 384 с.
19. Никифорова Л. В., Рон М. В., Тихомиров С. А., Макашева А. С., Подделкова П. Е. Пространство университетской повседневности: прикладное исследование в формате культурологической экспертизы // Философия и культурология в современной экспертной деятельности: коллективная монография. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2011. С. 392-414.
20. Николаева Е. В. Города как фрактальные перекрестки мира // Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований. 2012. № 3. С. 92-106.

21. Про Санкт-Петербург [Электронный ресурс] // Любовь и ненависть. URL: <http://www.lovehate.ru/Saint-Petersburg/> (дата обращения: 20.07.2012).
22. Семенова В. Картирование городского пространства: основные подходы к визуальному анализу // Визуальная антропология: городские карты памяти / под ред. П. Романова, Е. Ярославской-Смирновой. М.: ООО «Вариант»; ЦСПГИ, 2009. С. 67-81.
23. Современный городской фольклор. М.: РГГУ, 2003. 736 с.
24. Трубина Е. Г. Город в теории: опыты осмысления пространств. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 520 с.
25. Форум: исследования города // Антропологический форум. 2010. № 12. С. 7-210.
26. Цивин А. В. Особенности визуального восприятия городских пространств // Региональная архитектура и строительство. 2009. № 1. С. 106-108.
27. Чичихин В. Комплексный географический образ города: определение понятия и стратегия реконструкции // Гуманитарная география: научный и культурно-просветительский альманах. М.: Институт наследия, 2005. Вып. 2. С. 206-226.

УДК 378.14

Педагогические науки

Статья посвящена вопросам повышения качества образования в условиях современного информационного общества. Изложены требования, предъявляемые к современной системе образования в процессе формирования информационной компетентности выпускников, выделены понятия «информационная грамотность», «компьютерная грамотность», «информационная компетентность».

Ключевые слова и фразы: информация; информационные процессы; информационная грамотность; компьютерная грамотность; информационная компетентность; образование; образовательные системы.

Маргарита Игоревна Царёва

Кафедра информатики

Таганрогский государственный педагогический институт им. А. П. Чехова

stargo@mail.ru

ИНФОРМАЦИОННАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ КАК СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ[©]

Проблемы реформирования содержания высшего образования обуславливают изменения образовательной стратегии России, ее ориентацию на новые образовательные и информационные приоритеты. Это является причиной поиска новых парадигм и моделей развития педагогической системы образования. Девиз российской государственной политики в сфере образования «доступность - качество - эффективность» определяет главный приоритет образовательной политики - «политику качества». Под государственной политикой в области высшего образования понимается система действий государства, направленных на управление развитием качества высшего образования, реализацию текущих, тактических и стратегических целей в этой области. Российская система высшего образования находится в ситуации поиска содержания и методов обучения, выполняющих функции поиска содержания и методов обучения, выполняющих функции формирования инновационного сознания и модели деятельности современного специалиста.

Своеобразным ответом на проблемную ситуацию в образовании, возникшую вследствие противоречия между необходимостью обеспечить современное качество образования и невозможностью решить эту задачу традиционным путём за счет дальнейшего увеличения объема усваиваемой информации, является ориентация требований к уровню подготовки выпускников вузов на достижение компетентности.

Понятие «компетентность», несмотря на свое частое употребление, - достаточно сложное и не имеет однозначного толкования, прежде всего, из-за сложности данной категории как отражения личностных качеств, умений и моделей поведения современного человека. Чаще всего компетентность обозначается как способность личности осуществлять сложные культуросообразные виды действий. Несмотря на различие взглядов, все ученые сходятся во мнении, что понятие «компетентность» шире знаний, умений и навыков, не является их суммой, т.к. включает все стороны деятельности - знаниевую, операционно-технологическую, ценностно-мотивационную. Ценностным основанием выделения компетентностей является ориентация на создание максимально благоприятных условий для саморазвития, самоопределения студентов в образовательном процессе.

Достижение компетентностей в информационном обществе на всех ступенях развития напрямую зависит от наличия беспрепятственного доступа каждого человека к разнообразным источникам информации, от владения умениями работать с информацией, различной по содержанию и представленной в разных формах. Поэтому можно утверждать, что универсальной компетентностью, на которой базируется достижение ключевых компетентностей во всех сферах самоопределения человека, является информационная.

Определяя значимость информационной компетентности в процессе современного образовательного процесса, мы говорим о том, что она является частью общего процесса информатизации, представляющей